SHOUT
SHARE
IT

Annotation

История жизни русского полководца, героя Отечественной войны 1812 года, генерала от кавалерии Николая Раевского. За тридцать лет службы он участвовал во многих крупнейших сражениях эпохи. Борьба за батарею Раевского явилась одним из ключевых эпизодов Бородинского сражения. Дружбой с Раевским гордился Александр Пушкин.

- Ю. Л. Епанчин
- notes
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○

Ю. Л. Епанчин
Николай Николаевич Раевский

Вопросы истории, 1999, №3. С.59-81
Епанчин Юрий Леонидович - доктор исторических наук, сотрудник Саратовского государственного медицинского университета.

Дворянский род Раевских происходил из польского рода Дунинов. Основатель рода, Петр Дунин, прибыл из Дании в Польшу в первой четверти XII века. Ответвление этого рода получило фамилию Раевских. Первым представителем рода, поселившимся в Московском государстве, стал И. С. Раевский, который в июле 1526 г. выехал из Литвы на службу к великому князю Василию III. Последний 21 января того же года женился на двоюродной племяннице Раевского Е. В. Глинской, ставшей матерью Ивана Грозного.

Предки Н. Н. Раевского верой и правдой служили московским государям, не достигая, впрочем, высоких должностей. Они владели многочисленными поместьями в окрестностях Москвы. Наибольших успехов достиг дед Николая Николаевича С. А. Раевский (1690-1759). В 1709 г. в чине прапорщика он участвовал в Полтавской битве. Медленно продвигаясь по службе, он назначался на различные военные и штатские должности, пока в чине бригадира не был уволен в отставку.

Младший его сын, Николай Семенович, и стал отцом прославленного генерала. Он родился в 1741 г., 13-летним мальчиком поступил на службу солдатом в лейб-гвардии Измайловский полк, дослужился до чина капитана и с началом русско-турецкой войны был выпущен из гвардии волонтером и определен в Азовский пехотный полк полковником (13 декабря 1770 г.). 25 апреля 1771 г. умер от ран в Яссах.

Женой Николая Семеновича в 1769 г. стала Е. Н. Самойлова, дочь сенатора Н. Б. Самойлова и старшая из племянниц будущего светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического. Примерно через год после свадьбы она родила старшего сына Александра, а 14 сентября 1771 г. - Николая. Малолетние дети, лишившиеся отца, остались на попечении родственников по материнской линии. Детство свое они провели в Петербурге, в доме графа Н. Б. Самойлова. Особое внимание родные уделяли маленькому Николаю, который был слаб здоровьем. Наиболее близким человеком для мальчика стал дядя А. Н. Самойлов (1744-1814), занимавший в 1792- 1796 гг. пост генерал-прокурора. Прочные дружеские связи с дядей у Н. Н. Раевского сохранялись на

протяжении всей жизни.

Старший брат Александр рано начал военную службу, принял участие в русско- турецкой войне 1787-1791 гг., стал подполковником Нижегородского драгунского полка (наследственного для Раевских) и 11 декабря 1790 г. был убит при штурме Измаила, заслужив от А. В. Суворова звание "храброго".

Детские годы Николая прошли в заботливой атмосфере, созданной родственниками. Мальчик рос немного избалованным. Образование Н. Н. Раевского не было глубоким, хотя и позволяло отнести его к числу культурных людей своего времени. Он хорошо владел французским языком, довольно поверхностно знал немецкий. Художественной литературой он интересовался, но к числу ее страстных поклонников не принадлежал. Характерно, что уже к концу жизни его литературные познания заканчивались на произведениях французской и русской словесности рубежа XVIII-XIX веков. Он питал особый интерес к сведениям, характеризовавшим могущество и военную славу Отечества. Математику и геометрию (фортификацию) Раевский в детстве изучал основательно, но лишь в том объеме, который был необходим для практической деятельности.

Заметный вклад в судьбу молодого Раевского внес князь Г. А. Потемкин. Однако его вмешательство имело своеобразный характер. 16-летний гвардейский поручик был прикомандирован к казачьему отряду с приказанием от светлейшего "употреблять в службу как простого казака, а потом уже по чину поручика гвардии". Своему внучатому племяннику генерал-фельдмаршал дал письменное наставление, из которого впоследствии Раевский мог припомнить только начало: "Во-первых, старайся испытать, не трус ли ты, если нет, то укрепляй врожденную смелость частым обхождением с неприятелем". Случаев выполнить это наставление в то время предоставлялось вполне достаточно.

Шла очередная русско-турецкая война. Для Раевского наступило время серьезного боевого крещения.

В 1789 г. он находился при казаках бригадира В. П. Орлова в бригаде генерал- майора М. И. Голенищева-Кутузова, потом был в "корволане" генерал-поручика графа П. С. Потемкина, с которым ходил под Бендеры, участвовал "в перепалках" и "при разбитии турок" - 3 сентября у Ларги и 7 сентября - на р. Сальче, за что заслужил "одобрение". Тогда же поступил "в команду генерал-поручика Самойлова", откуда отряжен в авангард бригадира М. И. Платова, участвовал в блокаде и взятии Аккермана. В том же году по 3 ноября находился "в окружении" крепости Бендеры и при ее взятии, за что "отданы ему справедливость и одобрение". В 1790 г.

Раевский был в чипе премьер-майора в походах с бригадиром Орловым к р. Прут и Аккерману по сентябрь[1].

Окончание войны Раевский встретил уже в чине подполковника, а но случаю заключения мира личным указом Екатерины II был произведен в полковники. Не успела закончиться одна война, как началась другая - в Польше. Раевский участвовал в нескольких мелких стычках, а 7 июня 1792 г. - в довольно крупном сражении при дер. Городище под командованием генерал-майора Моркова, где "поступал с отличием", за что был награжден своим первым орденом святого Георгия 4-й степени. Через месяц он сражался под командованием А. П. Тормасова при местечке Дарагосты, за это сражение был представлен к награждению золотой шпагой "за храбрость". В начале 1793 г. Раевский был послан генералом Ф. Бергманом в Могилев для разоружения польского гарнизона и за успешное исполнение этого поручения пожалован орденом святого Владимира 4-й степени. К этому времени военные действия закончились, и по русско-прусскому договору произошел второй раздел Речи Посполитой.

В июне 1794г. Раевский назначается командиром Нижегородского драгунского полка с переводом на Северный Кавказ. Местом дислокации полка служила крепость Георгиевск, ставшая в 1785 г. уездным городом, но больше походившая на казачью станицу[2].

Раевский задумывает обзавестись семьей. Он берет отпуск и 4 декабря 1794 г. отправляется в Петербург. Его выбор пал на 25-летнюю Софью Алексеевну Константинову, которая приходилась внучкой М. В. Ломоносову. Они обвенчались и в июне 1795 г. отправились в "тмутаракань".

16 ноября 1795 г. у молодоженов родился первенец, которого в память о старшем брате Раевского назвали Александром. Но супружеская чета недолго наслаждалась мирной семейной жизнью. В начале 1796 г. усилилась активность Персии на каспийском побережье Кавказа. В результате русскими войсками был предпринят поход к Дербенту и Шемахе. Командующий войсками, В. А. Зубов, плохо подготовился к этому военному предприятию. Командование не было налажено, войска постоянно испытывали недостаток в продовольствии и в припасах, подвергались неожиданным набегам противника из-за неудачной организации разведки. Раевскому пришлось взять на себя сторожевое охранение русских войск. Не считаясь с тратами, он предоставлял солдатам и лошадям полный рацион питания, организовал постоянное боевое охранение. 10 мая Нижегородский драгунский полк участвует при осаде и сдаче

города Дербента, "а от оного до реки Куры в походе находился"[3]. Поход окончился благополучно. Раевский был на хорошем счету у начальства и у сослуживцев. Тем неожиданнее оказались для него последующие события.

В ноябре на престол вступил Павел I. Политика правительства резко изменилась. Новый царь задался целью выбить из подданных "потемкинский дух". В армии стали насаждаться прусские порядки. Большинство прежних фаворитов подверглись опале. Рука императора дотянулась и до Раевского: 10 мая 1797 г. был отдан приказ об исключении его со службы. При сдаче полка Раевский столкнулся с большими финансовыми трудностями. Полковая казна была пуста, инвентарь износился. В результате бывший командир вынужден был попросить значительную сумму денег у своего дяди.

Раевский оказался в тяжелом материальном положении. На помощь ему пришла мать. Екатерина Николаевна выделила во владение сыну значительную долю своих имений, доставшихся ей в наследство от князя Потемкина. Раевскому пришлось учиться хозяйственным премудростям. Он с головой погрузился в расчеты, уделял много времени благоустройству имения, занимался строительством дома в с. Болтышка Чигиринского уезда Киевской губ., где он поселился. Семейные заботы Раевский предпочел вновь открывшейся военной карьере, когда Александр I пригласил его на службу, присвоив чин генерал- майора. Однако серьезная угроза России со стороны Наполеона заставила Николая Николаевича покинуть свое семейство и вернуться на действительную военную службу. В апреле 1807 г. он прибыл в армию, а с 24 мая вступил в череду непрерывных боев. Раевский командовал егерской бригадой в составе авангарда П. И. Багратиона. За отличие в боях под Гейльсбергом 28-29 мая Раевский был награжден орденом Владимира 3-й степени.

Развязка войны наступила 2 июня. Превосходящие силы французов окружили русскую армию. В ходе сражения "генералы Марков и Багговут были ранены, и отряды из-под их командования переходят под команду генерала Раевского". Перед Раевским, командовавшим всеми егерями авангарда, встала задача - удержать на своем участке массированные вражеские атаки и спасти армию от полного уничтожения. Эту задачу он с честью выполнил. М. Ф. Орлов отмечал, что позиции несколько раз переходили из рук в руки, причем Раевский "первый вошел в бой и последний из него вышел. В это гибельное сражение он сам несколько раз вел на штыки вверенные ему войска и не прежде отступал, как тогда только, когда не оставалось уже ни малейшей надежды на успех". За кампанию 1807 г. Николай Николаевич

получил орден святой Анны 1 -и степени[4].

После подписания мира в Тильзите Раевский вскоре был определен в главную квартиру по квартирмейстерской части. В армии проводилась очередная реформа, войска срочно переучивались и переобмундировывались на французский лад. "Мы все здесь перефранцузили, не телом, а одеждой - что ни день, то что-нибудь новое", - считал Раевский[5].

Открытие 9 февраля 1808 г. военных действий против Швеции позволило Раевскому вернуться в действующую армию. В марте Раевский с небольшим отрядом занял обширную территорию. За эти решительные действия он получил чин генерал-лейтенанта (12 апреля). Тем временем наступила весенняя распутица. Силы Раевского оказались рассредоточенными. В результате в его личном распоряжении осталось только 2 тыс. человек, которым противостояло до 8 тыс. неприятелей, не считая партизан. Превосходящие силы шведов перешли в наступление. 2 июля, испытывая натиск со стороны М. Клингспора, Раевский произвел маневр, который сами нападающие признали образцовым. В результате русским войскам удалось перекрыть важную дорогу и поставить неприятеля в невыгодное положение. Раевский прекратил сражение только после того, как у него в тылу был подожжен мост, и отступил в Алаво. "Положение Раевского с каждым днем становилось хуже. Впереди его граф Клингспор, кругом партизаны и толпы вооруженных крестьян, прерывавшие все сообщения с главнокомандующим и подвозы провианта. Не получая продовольствия, солдаты бродили по окрестностям добывать себе пищу, скребли землю, доискиваясь картофеля, кореньев, грибов"[6].

В августе русские войска вновь перешли в решительное наступление, в кратчайшие сроки проделали переход в 170 верст, но у Куортане натолкнулись на укрепленные позиции Клингспора. Основную тяжесть разгоревшегося 20 августа сражения вынесли на себе части Раевского. Его отряд действовал в условиях сильно пересеченной местности, преодолевал густой лес и болота. Несколько пушек пришлось разобрать и нести на руках. Воспользовавшись ситуацией, шведы предприняли атаку на передовые части, но были встречены в штыки и отступили. Дальнейшему продвижению русских препятствовали ураганный картечный огонь и хорошо подготовленные укрепления противника. В результате Раевский вынужден был упорно обороняться, так как Клингспор бросил против него все резервы и часть сил со своего правого фланга. Только после трехдневного боя шведы оставили Куортане.

1809 год прошел для генерала в вынужденном безделье. В августовском письме из Вазы он сетовал: "Здешняя жизнь мне несносна; когда б я нес службу, я б не жаловался, теперь же что называется дела не делай, от дела не бегай"[7]. Раевский стал добиваться перевода в Молдавскую армию. Начавшаяся в ноябре 1806 г. русско-турецкая война велась без особого энтузиазма. Но в 1810 г. Петербург потребовал решительных действий. Главнокомандующим был назначен генерал Н. М. Каменский.

Между тем значительная часть генералов и старших офицеров смотрела на войну как на достаточно прибыльный промысел. Меньше всего их заботило действительное преумножение славных суворовских традиций. Эти военачальники уделяли мало внимания боевой выучке войск, плохо следили за развитием военной мысли. В службе такие генералы видели прежде всего источник для получения различных наград и удовлетворения собственного тщеславия. Серьезных сражений, которые могли бы окончиться конфузней, они старались избегать. Зато умели навалиться скопом на более слабого противника, после чего по начальству следовали донесения с отчетами о блистательной виктории. Именно умение составлять пышные реляции особенно почиталось в этом кругу. А. С. Пушкин сохранил свидетельство об одном генерале, который подобрал брошенные неприятелем пушки и выдал их за отбитые в бою. Встретив как-то Раевского, этот генерал бросился к нему с объятиями, на что Николай Николаевич насмешливо сказал: "Кажется, Ваше превосходительство принимаете меня за пушку без прикрытия"[8].

Раевский всегда испытывал неловкость в среде подобных "деятелей", неоднократно осуждал армейские порядки, отдавал справедливость действительно достойным людям и презирал выскочек. Он желал видеть такие отношения в армии, которые основывались на полной ответственности, безукоризненном исполнении своих обязанностей и разумной строгости. Об этом свидетельствует его письмо от 6 апреля 1810 г.: "Кто выполняет долг свой от чистого сердца, тот строгости не боится, но большая часть из нас таковы, что, боясь опасения строгого взыскания, будут по-старому штукарить, ибо в прошлую войну против французов брали награждения не достойные одни, но хитрые и наглые, а наказывались безгласные"[9].

Каменский вел военные действия по-старинке. Он имел смутное представление о силе противника и расположении его частей. Разведка была поставлена из рук вон плохо. 23 мая Каменский всеми силами навалился на крепость Силистрию. В ней обнаружилось только 400 солдат и 2 тыс. жителей, не

оказавших практически никакого сопротивления. Зато награждены были чуть ли не все офицеры. Раевский также получил золотую шпагу "за храбрость", украшенную бриллиантами, чему очень удивился, успев при этом "сражении" все-таки заметить: "А начальник и духом и телом трус и нерешителен"[10]. После безрезультатного штурма Шумлы 11-12 июня Раевский окончательно разочаровался в главнокомандующем, стал критиковать его действия. Вспыльчивый Каменский немедленно выслал генерала из действующей армии.

В начале 1811 г. Николай Николаевич добился перевода на западную границу. 31 марта он был назначен командиром 26-й пехотной дивизии, составленной большей частью из новобранцев. Раевский ощущал лихорадочные приготовления к новой войне с Наполеоном. Организационным новшеством, кадровым перестановкам и передислокациям не было конца. Раевский в апреле 1812 г. был назначен командиром 7-го пехотного корпуса, входившего в состав 2-й Западной армии П. И. Багратиона.

Армия Багратиона с самого начала военных действий оказалась в критической ситуации. Перейдя 12 июня пограничную реку Неман, главные силы Наполеона быстро продвигались вслед за отступавшей 1-й Западной армией М. Б. Барклая де Толли, в то время как 2-я армия оставалась на месте. Лишь 18 июня Багратион получил приказ Александра I "действовать наступательно... в правый фланг неприятеля" с целью соединения с 1-й армией. Раевский писал 28 июня своему дяде: "Князь Петр Иванович получил тогда приказание подкреплять Платова, который был в Белом Стоку с 8-ю казачьими полками. Платову же приказано ударить на их тыл. Сия слабая диверсия в то время, когда главная армия ретируется, поставила нас в опасность быть отрезану"[11].

Время для соединения армий было упущено. Против Багратиона от Вильно был направлен 40-тысячный отряд Л. -Н. Даву, а с юга, наперерез, - три корпуса под командованием Ж. Бонапарта численностью в 70 тыс. человек. Задача Багратиона особенно осложнялась тем, что вклинившаяся между двумя русскими армиями группировка Даву двигалась кратчайшим путем, в то время как 2-й армии приходилось совершать кружные марши, малейшая нерасторопность в которых могла привести к катастрофе. Александр I обвинял Багратиона в нерешительности, упрекал его в том, что его войска не приближались, а удалялись от 1-й армии, пытался издалека руководить его действиями и даже порывался прибыть лично, "дабы ускорить его движение". 2-я армия двинулась на Могилев. 11 июля корпус Раевского завязал

ожесточенное сражение вблизи города, у дер. Салтановка. Николай Николаевич, натолкнувшись на укрепленную позицию противника, послал генерал-майора И. Ф. Паскевича через лес в обход его правого фланга. "Я должен отдать справедливость дальновидности г. -л. Раевского, - писал Багратион в рапорте Александру I от 14 июля, - ибо г. -м. Паскевич, взявший дирекцию влево, тотчас встретил идущего к нему неприятеля с намерением атаковать Раевского"[12].

Услышав сильную стрельбу на левом фланге, отважный командир "счел минуту сию решительною и бросился на противную позицию прямо через салтановскую плотину". Это была та самая атака, в которой, согласно легенде, генерал повел в огонь двух своих сыновей. Рассказ об этом эпизоде вошел в "Полное собрание анекдотов о достопамятнейшей войне россиян с французами". Сам Раевский впоследствии в разговоре с К. Н. Батюшковым отрицал факт участия сыновей в этой атаке. Слова генерала косвенно подтверждает тот факт, что из участников событий, входивших в состав 2-й армии и оставивших воспоминания (И. Ф. Паскевич, М. С. Воронцов, А. П. Бутенев), никто не упоминает о данном эпизоде. Не сказано об участии в Салтановском сражении и в формулярном списке младшего сына Николая Раевского[13].

Решительная атака, которая велась силами Смоленского полка, была остановлена ввиду смертельного артиллерийского огня вражеских батарей (сам Раевский получил контузию в грудь), а также из-за сильной неприятельской колонны, посланной Даву в обход наступающий. Этот эпизод в донесении Багратиона выглядит следующим образом: "Полк сей, отвечая всегдашней его славы, шел с неустрашимостью, единым россиянам свойственною, без выстрела, с примкнутыми штыками, несмотря на сильный неприятельский огонь, и, увидев под крутизною у плотины сильную колонну неприятельскую, с быстротой, молнии подобною, бросился на оную. Цепь стрелков егерных, видя генерал-лейтенанта Раевского идущего вперед, единым движением совокуплялись с предводительствоемой им колонною и, усилив оную, способствовали мгновенно уничтожить неприятельскую, двухкратно получавшую сильные сикурсы"[14].

"Сверх того, - пишет Н. Н. Раевский, - несколько офицеров и солдат, взятых мною в плен, единогласно объявили мне, что против меня находятся три пехотных и две кирасирских дивизии; что ожидают из Могилева еще две пехотные дивизии на подкрепление сражающихся". Раевский, с согласия Багратиона, принимает решение вывести свои войска из-под огня, так как продолжение борьбы в создавшихся условиях грозило

неоправданными потерями и даже гибелью корпуса, и отступить на исходную позицию. "Неприятель, сочтя оное отступление за победу, бросился со стремительностью на орудия, но вскоре был выведен из заблуждения смертию на штыках наших", - отметил Раевский в рапорте. Доверив выполнение отхода своим дивизионным командирам, он временно оставляет свой корпус, чтобы принять участие в военном совете, на котором было принято решение отступить к Смоленску. Отступление прошло беспрепятственно. Даву даже не пытался преследовать русских. Как отмечал Е. В. Тарле, "французский маршал был убежден именно вследствие упорства боя с Раевским, что Багратион идет к Могилеву и примет генеральное сражение, и стал сосредотачивать свои силы у Могилева"[15].

Соединение армий под Смоленском было крупнейшим достижением в первый период войны. Войска получили передышку, возможность собраться с силами, моральный дух воинов значительно вырос, открыто был поставлен вопрос о наступательных действиях. Но первым нанес удар Наполеон. Раевский писал впоследствии, характеризуя фланговый маневр, осуществленный французским полководцем под Смоленском: "Движение Наполеоново на левый фланг нашей армии есть одно из тех отважных предприятий, кои предвидеть и отвратить затруднительно". Действительно, ни Барклай, ни Багратион, ни, тем более, Д. П. Неверовский, отряд которого был выдвинут в одиночестве на левый берег Днепра для наблюдения за стратегически малозначительной дорогой, не считали в достаточной степени вероятным появление больших сил врага на этом отдаленном участке[16].

В полдень 2 августа отряд Неверовского был атакован в Красном кавалерией И. Мюрата, составлявшей авангард 185-тысячной армии. Обе русские армии находились в это время на правом берегу Днепра на марше в общем направлении к Витебску и были отдалены от Смоленска на расстояние 30-40 километров. Лишь корпус Раевского, задержанный запоздалым выступлением дивизии принца Карла Мекленбургекого, успел отойти от города только на 14 километров. Раевский получил от Багратиона приказ двигаться на помощь Неверовскому. После тяжелейшего ночного перехода 7-й корпус достигает Смоленска в 5 час. утра. Тогда же Раевский узнал, что Неверовский не просто был атакован крупным отрядом кавалерии, но что "неприятель, переправясь через Днепр ниже Рудни, следовал левым берегом за Неверовским". Раевский послал запрос, следует ли ему "защищаться в Смоленске или же, оставаясь на правом берегу реки, препятствовать неприятельской переправе? "[17].

Не получив ответа, он обращается с тем же вопросом к своему бывшему начальнику по войне 1807 г. Л. Л. Беннигсену, который в то время находился в городе.

Беннигсен, сообщив, "что дивизия Неверовского совершенно истреблена", сказал: "Ваше положение чрезвычайно затруднительно; вы идете на верную погибель. Советую вам по крайней мере не переправлять артиллерию через Днепр". Раевский отмечал впоследствии, что "сей совет несообразен был с тогдашним моим действительно безнадежным положением". Тогда же он ответил: "Гибель вполне вероятна, но бесполезной она не будет. Более всего следует волноваться о спасении армии и России, и я тем более решаюсь взять на себя эту ответственность и использовать всякий незначительный шанс, какой бы там не представился, понимая важность этого пункта. Даже при ничтожестве моих сил". Опасность ситуации он оценивал лучше Беннигсена: "Я слишком чувствовал, что дело идет не о сохранении нескольких орудий, но о спасении главных сил России". Ход его мысли при принятии решения сделал бы честь самому главнокомандующему: "Я рассудил, что ежели неприятель успеет занять Смоленск и перейти к нам на правый берег реки Днепра, то отрежет обеим армиям продовольствие и сообщение с городом Москвою". Наполеон сразу же сможет "забрать весь парк и транспорты, находящиеся на сей дороге", поставив тем самым всю русскую армию в невыгодные условия при необходимости дать сражение с перевернутым фронтом. И Раевский, учитывая, что, оставаясь на правом берегу, предотвратить неприятельскую "переправу было весьма ненадежно, потому что не имел 10000 человек под ружьем,.. решился, хотя и поставил себя этим в отчаянное положение, переправиться через Днепр и удерживать неприятеля под стенами города"[18].

С присоединением дивизии Неверовского силы Раевского составили около 13 тыс. солдат и офицеров. Кроме этого, он мог рассчитывать на пехотный полк, оставленный в Смоленске "для удержания порядка и ускорения хлебопечения", и на ратников смоленского ополчения. На помощь со стороны городских властей надеяться не приходилось, так как еще ночью 4 августа, "перед рассветом, уехал к Дорогобужу губернатор Аш со всеми подведомственными чиновниками, а за ним выехал в село Цуриково и архиерей также почти со всем духовенством... Бежали все, кто мог, бросая свое имущество, которое своевременно вывозить было воспрещено. Даже смоленский гарнизон с комендантом Росси ушел в эту ночь из города"[19]. К чисто военным задачам Раевского прибавились еще и заботы по

поддержанию общественного порядка и предотвращению грабежей.

В подготовке и проведении обороны явственно прослеживаются качества Раевского как талантливого полководца: четкая оценка обстановки, высокие аналитические способности, умение добиваться наивысшего результата при ограниченности средств для его достижения и, наконец, твердость и решительность в проведении принятых решений. Рассматривая укрепления города и окружающее его пространство в качестве театра военных действий, он не собирался отсиживаться за крепостными стенами, характеризуя действия своего корпуса не как оборону Смоленска, а как "заслонное сражение"[20]. При подготовке к бою Раевский сконцентрировал свои немногочисленные силы на особо опасных участках. Блестящим подтверждением активного характера оборонительных действий корпуса Раевского является тот факт, что основная часть сил была размещена за пределами городских укреплений, в пригороде, предоставлявшем больше простора для маневра. Здесь помещалось 20 из 28 его батальонов. Принцип концентрированного сосредоточения сил был сохранен и при расстановке артиллерии. Все приготовления были завершены только к рассвету. "В ожидании дела, - пишет Раевский - я хотел несколько уснуть; но искренне признаюсь, что несмотря на всю прошедшую ночь, проведенную мною на коне, я не мог сомкнуть глаз - столько озабочивала меня важность моего поста, от сохранения коего столь много или, лучше сказать, вся война зависела".

На рассвете 4 августа началось Смоленское сражение. Кавалерийские атаки сменились в 9 час. утра общим приступом французов. Однако противник в первой половине дня был отбит на всех направлениях. Французы, потерпев неудачу в общем приступе, установили батареи и стали "бить стены города, поддерживая промежутки батарей стрелками". Мюрат выдвинул к стенам города гвардейскую артиллерию, "и столько близко, что артиллеристы обеих сторон могли различать черты друг друга. Канонада была ужасная". Однако ни перестрелка, ни попытки противника завладеть городом, которые "он чрез целый день делал на всех пунктах", не принесли ему успеха. Солдаты стойко держались под ураганным огнем вражеских батарей, "показав тем, что русскими не может повелевать жестокость их выстрелов". Поздно вечером Наполеон приказал маршалу М. Нею предпринять еще один штурм русских позиций. Свидетелем его был сам Барклай, который прибыл к Смоленску в то самое время, когда неприятель учинил сильную свою атаку на корпус генерал-

лейтенанта Раевского". И эта атака "огнедышащего Нея" была отбита, после чего бой прекратился, канонада стала стихать. После полуночи корпус Раевского был сменен 6-м пехотным корпусом Д. С. Дохтурова. 4 августа русские воины под командованием их талантливого командира не только не впустили в Смоленск своего грозного противника, но "не отдали даже форштадту". Потери русских составили не более 1 тыс. человек, а согласно полковым ведомостям, в 7-ом корпусе убыло убитыми, ранеными и пропавшими без вести 736 унтер-офицеров и рядовых[21].

В результате героической обороны Смоленска войсками Раевского был сорван стратегический замысел французского императора. Наполеон вспоминал об этих событиях будучи на о. Святой Елены: "Он (Наполеон. - Ю. Е.) обошел левый фланг русской армии, переправился через Днепр и устремился на Смоленск, куда прибыл 24 часами прежде, чем русская армия, поспешно отступавшая, 15-тысячная дивизия русских (корпус Раевского. - Ю. Е.), случайно оказавшаяся в Смоленске, имела счастье защищать его в течение дня, что дало время для прибытия Барклая на следующий день. Если бы французская армия внезапно захватила Смоленск, она перешла бы через Днепр и атаковала бы несоединенную и находящуюся в беспорядке русскую армию. Этот большой удар не удался"[22].

Барклай де Толли увел русские войска из-под Смоленска, не пожелав рисковать армией в генеральном сражении. Но уже спустя три недели новый главнокомандующий М. И. Кутузов пошел на решительное противоборство. На Бородинской позиции 7-й корпус Раевского расположился вблизи Курганной высоты, которая вскоре была признана "ключом всей позиции". Командир корпуса лично руководил созданием артиллерийской батареи на возвышенности. Работа была завершена только в 4 часа утра 26 августа. Раевский сказал: "Теперь, господа, мы будем спокойны. Император Наполеон видел днем простую, открытую батарею, а войска его найдут крепость". Перед рассветом он "отдавал последние свои приказания и наставления начальствующим частями его корпуса, чтобы внушили нижним чинам исполнять строго команду, говорил о расстоянии стрельбы и о прочем"[23].

В организации обороны центрального пункта русской позиции, который занимал 7-й корпус, со стороны его командира была проявлена значительная инициатива. Удачно расположив войска, отказавшись при этом от линейного порядка, Раевский предотвратил лишние потери от артиллерийского огня. После того как солдаты из дивизии Ш. Морана временно захватили батарею на Курганной высоте, 12-я и 26-я дивизии 7-го корпуса

пришли в движение и нанесли контрудар по войскам Е. Богарне. Действия корпуса Раевского внесли дезорганизацию в ряды противника, принудили его занять оборону и дали возможность русской армии укрепить свои позиции. Наполеон сказал о нем, что "этот генерал из того материала, из которого делаются маршалы"[24].

Потеряв большую часть своего корпуса, Раевский тем не менее считал, что Бородинскую битву следовало продолжить, и был крайне недоволен, когда получил приказ Кутузова об отходе. После оставления Можайска Николай Николаевич в течение суток командовал арьергардом, отбивая атаки Мюрата, а 1 сентября был приглашен на военный совет в Филях. Он высказал свою точку зрения последним, и она совпала с решением главнокомандующего: Москву следует оставить без боя.

Во время кутузовского марш-маневра с Рязанской дороги на Калужскую Раевский командовал различными арьергардными соединениями. В условиях постоянно меняющейся обстановки командиром арьергарда приходилось действовать на свой страх и риск, принимать нестандартные решения. 7 сентября Раевский, "оставляя свои передовые посты на самом Боровском перевозе, ночным маршем отошел вслед армии, и сим движением противник совершенно потерял армию из виду, ибо передовые войска, будучи атакованы, отступали по Рязанской дороге, за коими неприятель до самой Бронницы последовал". Раевский, следуя за армией с казачьими полками, "оставлял на каждой дороге, нами пересекаемой, по одному из сих полков, с повелением каждому из них особо не следовать уже за общим движением армии, но при появлении неприятеля отступать по той дороге, на которой он был поставлен". В результате противник по крайней мере на пять дней потерял русскую армию[25].

Вероятно, с ведома Раевского русские офицеры вступали в переговоры с начальником авангарда французов и искусно дезинформировали его, играя на присущем Мюрату тщеславии. "Казачьи начальники продолжали все время расточать комплименты неаполитанскому королю, который в свою очередь не переставал выказывать им свою щедрость. Авангарду не было надобности сражаться, - отмечал французский мемуарист, - казачьи офицеры являлись к королю за указаниями, чтобы осведомиться, до какого пункта он намерен продолжать переход и где он хочет расположиться со своим штабом. Дело доходило до того, что они охраняли назначенный им пункт до прибытия его отрядов, чтобы там ничего не случилось. Они настоящим образом кокетничали, чтобы понравиться королю, которому были весьма

приятны эти знаки почтения"[26]. Наполеон, разгадавший эту игру, запретил под страхом смерти какие-либо переговоры с русскими.

11 сентября войска неаполитанского короля напали на след русской армии. Но Раевскому удалось еще на три дня скрыть от них ее истинное местоположение. 13 сентября арьергард выдержал сильный натиск французов и не пустил противника к Красной Пахре, где находилась ставка Кутузова. С этого дня ожесточенные стычки с неприятелем стали постоянными. 17 сентября крупные силы с обеих сторон целый день сражались между селениями Чириково и Вороново. Оба противника понесли значительные потери, их отряды к ночи оказались распыленными в беспорядке. Поляки Ю. Понятовского до позднего вечера подвергались набегам казаков, а "генерал Раевский, полагая иметь впереди себя кавалерию, не знал, что с целым корпусом пехоты и всею батарейною артиллериею провел ночь, составляя собою передовые посты"[27]. 21 сентября русская армия стала лагерем в с. Тарутино. Отступление окончилось. Это решение русского командования необходимо было дать понять и противнику, который продолжал наседать. После упорного боя Мюрат убедился, что русские больше не намерены отступать, и смирился с этим. В боевых действиях наступило продолжительное затишье, 7-й корпус был выведен из состава авангарда М. А. Милорадовича и отведен в лагерь на переформирование.

Уже само пребывание в Тарутинском лагере благотворно сказывалось на состоянии войск. Его нельзя назвать временем отдыха в буквальном смысле. Укомплектованные полки проводили строевые и учебные занятия, несли сторожевое охранение, проводили различные фортификационные и хозяйственные работы. Моральный дух армии постоянно укреплялся. Воины вновь почувствовали себя в центре внимания всей России. Важным обстоятельством являлось также сознание усиления своей материальной мощи. Только численность корпуса Раевского к 23 сентября возросла вчетверо и составила 11192 человека[28]. Благодаря упорной работе командиров по обучению новобранцев за три недели, проведенных в Тарутинском лагере, 7-й корпус вновь превратился во вполне боеспособное соединение.

Корпус Раевского принял участие в боевых действиях 12 октября под Малоярославцем. Сражавшийся с утра 6-й корпус Д. С. Дохтурова вынужден был в полдень отступить из города и занять позицию поперек Калужской дороги. 7-й корпус подоспел в тот самый момент, когда неприятельские колонны начали новую

атаку. В отличие от Дохтурова, который вводил войска в Малоярославец по частям, Раевский бросил в бой сразу обе дивизии. Передовые порядки противника были смяты этим массированным ударом и, отчаянно защищаясь, вынуждены были отступить. "Итальянская гвардия была почти уничтожена" или, во всяком случае, "потерпела страшный урон"[29]. Русские вновь заняли Малоярославец. Наполеон вынужден был подкрепить Евгения Богарне двумя дивизиями Даву.

Раевский склонен был критически оценивать результаты сражения: "Я удерживал позицию мою на левом крыле до самой ночи, беспрерывно сражаясь даже и тогда, когда город, превращенный в пепел, остался в руках неприятеля. Войска наши дрались храбро и упорно; но должно сознаться, что честь битвы принадлежит французам. Все выгоды позиции были на нашей стороне, и я приписываю успех неприятеля беспорядку в содействии различных частей наших войск между собой, происшедшему от недостатка единства в командовании оными. Заметно также было, что князь Кутузов избегал общей, решительной битвы, коей успех мог быть сомнительным, и только увлеченный обстоятельствами, он заградил к ночи Калужскую дорогу всею своею армиею"[30]. Тем не менее стратегическая задача была Кутузовым решена: Наполеон отказался от генерального сражения, не стал пробиваться на Калугу и отступил по разоренной дороге на Смоленск.

22 октября авангард Милорадовича атаковал и даже фактически окружил отставший корпус Даву. Находившийся неподалеку с главными силами Кутузов даже не пытался помочь авангарду. Раевский был обескуражен его поведением, боевой генерал не мог принять стратегии хитрого старика и явно выражал сожаление: "Мы пропустили случай отрезать всей армии задний корпус". Под непосредственным впечатлением от действий главнокомандующего он высказал мысль, подхваченную впоследствии многими историками: "Неприятель бежит. Мы его преследуем казаками и делаем золотой мост". Раевскому надоело находиться в бездействии при Главной квартире. Сразу после Вяземского сражения он поставил вопрос ребром: "У меня две дивизии, одна при Вас, другая в авангарде то у Платова, то у Милорадовича, где. Ваша Светлость, прикажете мне находиться?"[31]. Кутузов вынужден был вновь предоставить Раевскому самостоятельное командование.

3 ноября русский авангард перерезал у Красного путь к отступлению неприятельским корпусам. На следующий день Раевский вступил в схватку с войсками Богарне. Им так и не удалось пробиться через боевые порядки 7-го корпуса. Лишь под

покровом ночи противник смог просочиться в Красный. 6 ноября о боевые порядки Раевского разбилась отчаянная атака Нея. Решительный отпор, полученный французским маршалом, заставил его подумать, что перед ним находится вся русская армия, в результате чего он отказался от дальнейших атак и отступил к дер. Данниковой, откуда ночью ушел обходным маневром, переправившись по тонкому льду через Днепр и оставив в руках русских 12 тыс. пленных и всю свою артиллерию в количестве 27 орудий. Лично Раевскому пожелал сдаться отряд из 5 тыс. человек[32].

Успешное окончание войны позволяло участникам ее надеяться на щедрые награды. Раевскому в ноябре было объявлено о награждении его орденом святого Александра Невского. К удивлению всех близко его знавших, эта награда оказалась единственной за весь год. Действий генерала в других сражениях как будто не заметили. Граф А. Н. Самойлов писал своему племяннику 6 декабря: "Дай Боже, чтобы все ваши заслуги награждены были достойным образом. Должно сего надеяться непременно, ибо они не такого рода, чтобы могли, так сказать, между глаз проскочить: дело ваше под Смоленском сделало бы честь и самому главнокомандующему тогда армиями"[33].

Раевский отпросился в отпуск, но в дороге тяжело заболел и 30 декабря приехал домой в критическом состоянии. Поправляться он стал к весне 1813 г., а в действующую армию прибыл только в апреле, после сражения при Люцене. Его назначили командующим элитным гренадерским корпусом. 7- 9 мая при Бауцене в сражении эпизодически принимали участие только отдельные части корпуса. Но при отступлении с поля битвы на гренадеров легла дополнительная нагрузка. "Генерал Раевский, со всею храбростию и благоразумием своим, едва мог избегнуть, чтоб не быть окруженным,.. отражал по возможности превосходные силы неприятеля, но, будучи сильно утеснен при Вейсенберге, ускорил несколько отступление свое"[34]. Наполеону не удалось уничтожить основные силы союзников, и он пошел на заключение перемирия 23 мая.

Деятельность Раевского во многом определяли выработанные традиции воинской службы. Он всегда стремился следовать образцу честного профессионала, избегая чуждых для военного вторжения в политическую сферу. Вместе с тем Раевский принимал участие в войне далеко не из одного желания личного успеха. Он ясно осознавал ответственность не только перед вышестоящими, но и перед Россией. Войну с Наполеоном он рассматривал как продолжение Отечественной войны, цель ее видел в устранении опасности со стороны самого крупного

противника и в приобретении для родной страны новой славы и могущества.

Даже на поведенческом уровне личность Раевского выделялась на фоне большинства военачальников. Он испытывал настоящее "упоение в бою", совершенно забывая об опасности, чем неоднократно поражал соратников. Эту черту можно назвать силой духа, в отличие от невозмутимости Наполеона и ледяного хладнокровия Барклая де Толли, а также показной храбрости Милорадовича, определяемых развитой силой воли. Воинственный пыл Раевского удачно передан на известном портрете Дж. Доу, находящимся в Военной галерее Зимнего дворца. В то же время после длительных боев у генерала наблюдались периоды упадка сил и опустошения, связанные с общей слабостью здоровья.

Пользуясь популярностью в армии, уважением со стороны коллег, любовью среди подчиненных, Раевский вместе с тем был обделен официальным признанием. В период перемирия, в Силезии, несмотря на близость царского двора, генерал находился в тяжелом материальном положении и был "очень близок к последней крайности". "Связи и интриги делают все, заслуги - очень мало", - сокрушался Раевский. Между тем антинаполеоновская коалиция усиливалась. Наряду с Россией, Англией, Пруссией в нее вступили Швеция и Австрия. Раевский не сомневался в материальном превосходстве союзников. Известные сомнения у него вызывали лишь полководческие качества военачальников. Надежды он связывал, в основном, с бывшими наполеоновскими маршалами и генералами, перешедшими на сторону союзников (Ж. Б. Бернадот, Ж. В. Моро, А. Г. Жомини). 29 июля он подчеркивает: "Бернадот - человек талантливый, быть может, он откроет глаза Императору на нашу глупость и даст хорошие советы"[35].

3 августа 1813г. военные действия возобновились. Под Дрезденом союзники располагали уже войском в 227 тыс. человек против 165 тыс. у Наполеона. Увидев эти полчища, генерал Моро сказал Александру I: "Предводительство такими огромными армиями кажется мне делом, превышающим силы человеческие"[36]. Развязка наступила 15 августа, когда благодаря четким и решительным действиям Наполеон разгромил более многочисленные войска союзников. Им пришлось поспешно под проливным дождем отступить в Богемию.

Раздробленные горными ущельями соединения могли оказаться добычей противника. Но внезапно заболевший Наполеон отказался от преследования, о чем не знал генерал Д. Вандамм, чей корпус в одиночестве стал атаковать русскую

гвардию на теплицкой дороге. Подоспевшие гренадеры Раевского остановили наступление Вандамма, который отложил бой на утро следующего дня. Но 18 августа он оказался в критической ситуации. Союзники собрали в окрестностях Кульма превосходящие силы. Левым флангом командовал генерал Раевский, который первым вступил в бой и перешел в наступление. Гренадеры опрокинули неприятелей, гнали их с одного возвышения на другое и приближались к Кульму. Появившиеся в тылу французов пруссаки генерала Ф. Г. Клейста окончательно повергли их в панику. "Бросаемы во все стороны, они рассеялись по горам и карабкались на утесы; преследование их уподоблялось звериной травле, некоторым удалось прорваться сквозь пруссаков, но большая часть сделалась добычей победителей"[37]. Разгром был полный.

Союзники чрезвычайно обрадовались этой победе, устроили пышные торжества. Прусский король учредил специальный железный крест для награждения всех участников битвы. Русские военачальники получили высокие награды: Барклай де Толли- орден святого Георгия 1-го класса, Остерман- Толстой - Георгия 2-го класса, Ермолов - Александра Невского, Раевский - Владимира 1-й степени. Сам Николай Николаевич испросил денежные пособия для офицеров своего корпуса в размере от 25 до 150 рублей. Но после сражения ему пришлось приступить к исполнению малоприятных обязанностей. Боевому генералу поручили сбор трофеев и приказали возглавить похоронную команду[38].

В конце августа Наполеон активизировался, но это были на редкость вялые действия. В течение трех дней гренадеры достаточно легко отразили несколько атак "жалких французов, жалких потому, что на них только кожа да кости". Сам Раевский "как некий гений войны,.. с быстротою, ему свойственною, разъезжал и всем распоряжался"[39].

Манеру Раевского обращаться с подчиненными описал И. И. Лажечников: "Николай Николаевич никогда не суетился в своих распоряжениях: в самом пылу сражения отдавал приказания спокойно, толково, ясно, как будто был у себя дома; всегда расспрашивал исполнителя, так ли понято его приказание, и если находил, что оно недостаточно понятно, повторял его без сердца, называя всегда посылаемого адъютанта или ординарца голубчиком или другими ласковыми именами. Он имел особый дар привязывать к себе подчиненных". В числе адъютантов Раевского появился и молодой штабс- капитан известный поэт Батюшков. Храбрый офицер стал вскоре доверенным лицом генерала, который неоднократно представлял поэта к наградам, о

чем поэт сообщал: "Если и не получу их, то мне будет утешно вспоминать, что я находился при храбром Раевском и заслужил его внимание". Но впоследствии поэт почувствовал обиду по поводу того, что представления Раевского "плохо уважаются". Нескрываемая горечь ощущается в его неопубликованных записках: "Что в офицере без честолюбия? Ты не любишь крестов? - иди в отставку! а не смейся над теми, которые покупают их кровью". Определенные претензии Батюшков стал предъявлять и Раевскому, в частности, в 1815 г. он говорил П. А. Вяземскому: "Он плохо награждает, но дерется, как черт". Австрийский полковник И. Кроссар говорил о Раевском как об "одном из самых замечательных людей эпохи как по своим познаниям, своему военному гению, так и по своей храбрости и своему невозмутимому хладнокровию"[40].

2 октября 1813 г. союзники подошли к пригородам Лейпцига. Наполеон также стал стягивать к городу все наличные корпуса с твердым намерением дать генеральное сражение. Положение его стало критическим. "Вместо прежнего стратегического окружения, когда можно бить по частям, является окружение тактическое, при котором находящийся внутри теряет свои выгоды"[41]. Но у Наполеона был свой резон идти на риск. Он видел, что его генералы и маршалы не справляются с самостоятельными задачами, и поэтому решил собрать силы в один кулак и новым чрезвычайным напряжением воли изменить ход компании в благоприятную сторону. Хотя он имел в первый день сражения только 160 тыс. солдат против 195 тыс. у союзников, ему опять удалось создать численный перевес на избранном участке поля боя. Прикрыв от австрийцев свой правый фланг корпусами А. Г. Бертрана и Ю. Понятовского, он сосредоточил против Барклая, располагавшего 84-тысячным войском, 112 тыс. солдат.

4 октября Наполеон массированным ударом решил сокрушить правый фланг союзников. В месте готовящегося прорыва была установлена 160-пушечная батарея под начальством генерала А. Друо. И. Мюрат выстроил между Вахау и Либервольковицем 100 эскадронов конницы - "на одно построение ушло два часа"[42]. Мощнейшая атака французов началась в 3 часа дня. Прежде всего на войска союзников обрушились могучие кавалерийские лавы. Мюрат разделил их на два потока. Один из них, под начальством генерала Келлермана, направился в правую сторону, разрезая союзников пополам, другой, возглавлявшийся В. Н. Латур-Мобуром, выплеснулся прямо на ставку трех монархов, располагавшуюся на холме позади Госсы. Вслед за конницей двинулись корпуса К. П. Виктора, Ж. А. Макдональда, Н. Ш. Удино и Э. А. Мортье.

Казалось, что эту атаку уже никто не в состоягии задержать. Французская конница расчленила корпус Евгения Вюртембергского, смяла легкую гвардейскую кавалерию И. Г. Шевича и бросилась на Госсу и Ауенгейм. Раевский немедленно приказал своим полкам образовать плотные каре. Это удачное перестроение гренадерского корпуса на пространстве от Ауенгейма до Госсы впервые вынудило вражескую кавалерию замедлить свое движение. Гренадеры Раевского образовали живой заслон. "Сюда устремились громады французской конницы; поглотили, так сказать, приливом своим наши гренадерские полки, свернувшиеся в карей, и бросались в промежутки их, выискивая возможность врезаться в карей. Мужество французов истощалось бесполезно против храбрых, предводимых Раевским"[43]. Сам Александр I изумленно воскликнул: "Каковы гренадеры! " Благодаря их стойкости русские успели подтянуть резервы, и атака неприятельской кавалерии была отбита.

Гренадерский корпус тем временем должен был уже противостоять французской пехоте. Маршалы Виктор и Удино обрушились на русский центр. "Виктору удалось оттеснить далеко назад слабые остатки бригады Клюкса и колонны Клейста и, наконец, завладеть овчарней Ауенгейма"[44]. Удино на плечах отступавших в беспорядке войск Евгения Вюртембергского ворвался в Госсу. На этом успехи французов были исчерпаны. Корпус Раевского не дал им дальше продвинуться ни на шаг. Николай Николаевич решил взять на себя руководство боем. Он организует взаимодействие с другими частями, посылает адъютантов к пруссакам, к австрийцам.

Гренадеры выдержали ряд атак. Увидев, что неприятель выдыхается, Раевский переходит в наступление и берет штурмом Ауенгейм. Взятие населенного пункта прошло успешно, со сравнительно небольшими жертвами, противник был вынужден не просто отступить, но фактически бежал из селения, причем "расстроенный неприятель, отступя на некоторое пространство к лесу, за ним стоящему, во всю ночь собирал рассеянных и устроивал войска".

План французского императора был сорван. М. Ф. Орлов отмечал: "В сем ужасном сражении было одно роковое мгновение, в котором судьба Европы и всего мира зависела от твердости одного человека". Подвига генерала нельзя было не заметить. Император Александр, фактически спасенный вместе с двумя другими монархами, произвел Раевского в генералы от кавалерии[45].

Сам Николай Николаевич в тот памятный день был жестоко ранен пулей в правую сторону груди. Несмотря на рану генерал

не покинул своего корпуса. До конца сражения он находился на коне, возглавляя своих гренадеров. Наполеон потерпел поражение. 7 октября шла поспешная эвакуация французов из Лейпцига. Раевский отмечал, что "великий Наполеон, став весьма маленьким, бежит менее чем со ста тысячами человек, я надеюсь, что лишь Рейн нас остановит... Наш дорогой человек спустился с ходуль - вот они великие люди. Они мельчают при ближайшем рассмотрении"[46]. До 11 октября Раевский со своими гренадерами преследовал бегущего противника. Но рана воспалилась, и генерал слег. В тяжелом состоянии его перевезли в Веймар, где опытные хирурги в течение месяца поставили его на ноги.

1 января 1814 г. (по западноевропейскому календарю) союзники перешли Рейн и вторглись во Францию. В первые недели после вторжения военных действий не было. 18 января Наполеон нанес сокрушительное поражение армии Г. Л. Блюхера у Бриенна, а 20 января встретился с Главной армией К. Ф. Шварценберга. Несмотря на четырехкратный численный перевес австрийский фельдмаршал чувствовал себя неуверенно, и битва свелась к постепенному вытеснению французов с позиции у местечка Ла Ротьер. Корпус Раевского весь день находился в резерве. Наполеон беспрепятственно ушел с поля сражения и превратил свою 50-тысячную армию в своеобразный "летучий отряд", нападая в различных местах на отдельные соединения союзников, чем внес панику в их ряды и заставил задуматься о мире. Узнав о поражении авангарда при Мормане и Монтеро, Шварценберг немедленно приказал отступать. Этот "маневр" походил на откровенное бегство. Прапорщик Семеновского полка И. М. Казаков вспоминал, что, "отступая, мы не успевали варить пищу и по той же дороге опять дошли до Лангра и Везуля"[47].

Корпус Раевского в составе резерва проделывал бесконечные утомительные марши, ни разу не вступив в сражение. Но в судьбе начальника гренадеров произошло изменение. 15 февраля при Бар-сюр-Об получил ранение командующий русским авангардом в Главной армии генерал П. Х. Витгенштейн. В состав отряда Витгенштейна входило два корпуса (князя А. И. Горчакова и принца Евгения Вюртембергского, усиленные кавалерией). Общая численность авангарда достигала 21 066 человек при 56 орудиях[48]. В некоторых источниках этот отряд назывался "армией". Назначение на место Витгенштейна было для Раевского повышением, признанием его заслуг. Кроме того, теперь его части находились в непосредственном соприкосновении с неприятелем, что радовало боевого генерала.

9 сентября при г. Арсис-сюр-Об произошло сражение. С утра

Наполеон и Шварценберг стягивали свои силы к Арсису. Авангард Раевского под начальством графа П. П. Палена захватил господствующую высоту, на которой немедленно установили батарею. Французы, загнанные в Арсис, оказались прижатыми к болотистому берегу реки. "Чем ближе союзники подходили к городу, тем более сгущались массы их войск; их батареи, также сближаясь между собой, составили непрерывную огненную дугу, огибавшую город с левого берега Обы"[49]. Несмотря на выгоды позиции и численное превосходство Шварценберг не предпринимал активных действий. Только заметив отступательные движения Наполеона, начавшего переправу в виду противника, подали сигнал к атаке. Первым выступил Раевский, остальные войска равнялись по его движениям. Французы очистили Арсис, переправившись через Обу без особых осложнений. Войска Раевского первыми подошли к переправе, преодолевая постоянное сопротивление кавалерийских отрядов. На их долю приходилась основная часть потерь союзной армии (около 500 человек).

После сражения у Арсиса "Наполеон пропал со всей армией"[50]. Но, как оказалось, великий полководец обманул самого себя. Александр I получил точные сведения о направлении его движения и даже приглашение из французской столицы от самого Ш. М. Талейрана, уверявшего, что союзников ждут. "Скоро в военном ареопаге, благодаря совету П. М. Волконского и энергической воле Государя, решено было не поддаваться на удочку, закинутую ловким рыбаком, а идти твердо, всеми силами, на столицу Франции. Ему оставлен на приманку немногочисленный отряд, который своими усиленными бивуачными огнями должен был представить декорацию большого корпуса, готового дать неприятелю сражение"[51].

Известие о решительном наступлении было воспринято с воодушевлением. 13 марта маршалы О. Ф. Мармон и Э. А. Мортье пытались преградить союзникам путь под Фер-Шампенуазом. Заслон был опрокинут. 17 марта авангард Раевского вышел к предместьям Парижа и выбил противника из Бондийского леса. Утром 18 марта начался штурм столицы Франции. Основные события развернулись в районе селений Роменвиль и Пантен, где действовал Раевский. К 11 час. его корпуса загнали противника в Бриерский лес. Недостаток сил не позволял развить успех. Только после двухчасовой перегруппировки сил Барклай приказал возобновить наступление. В распоряжение Раевского поступил гренадерский корпус. "Ничто не могло удержать стремления гренадер. Разбитый и отчаянный неприятель бежал стремглав перед ними и едва мог спастись за самыми заставами своей

столицы"[52]. Парижане прислали парламентеров и вскоре подписали капитуляцию. 25 марта Наполеон отрекся от престола.

Александр I по поводу победоносного окончания войны произвел щедрые награждения. Раевский получил орден Георгия 2-го класса. Поздравляя племянника с заслуженной наградой, Самойлов наставлял его при этом:

"Теперь, мой друг, надобно помыслить вам о положении хозяйственных дел ваших, чтобы при всех наружностях, оказывающих заслуги ваши Государю и Отечеству, имели вы как для себя, так и для детей ваших безнужное состояние"[53]. Вняв настойчивым советам, Николай Николаевич обратился к царю. Последний немедленно выделил ему ссуду в 1 млн. рублей.

В первое десятилетие после окончания войн с Наполеоном дом Раевского в Киеве охотно посещали многие приезжие. Генерал был знаменитой личностью. По свидетельству С. Р. Воронцова, после смерти Барклая де Толли в 1818 г. Раевский считался одним из шести наиболее опытных генералов (наряду с Витгенштейном, Милорадовичем, Остен-Сакеном, Ланжероном и Уваровым), которые прошли большинство войн конца XVIII - начала XIX в. и по-прежнему находились в строю. Даже сам император удостаивал Раевского своим посещением во время приезда в Киев в 1816 и 1817 гг., а великий князь Николай Павлович обедал у него в доме. И для остальных посетителей генерал неизменно оставался хлебосольным хозяином. Очень уважала Раевского молодежь. Его имя было на устах у каждого офицера. Николая Николаевича сравнивали с античными героями.

В. П. Горчаков отмечал "последующие годы за 12-м, когда изображения знаменитых военачальников этой годины славы начали вытеснять из боярских домов наших изображения маршалов Наполеона". Широко было распространено "изображение Николая Николаевича с виньеткою внизу, представляющею Раевского с двумя сыновьями перед колонною и подпись из слов его: "Вперед, ребята! Я и дети мои укажут вам путь!" Тот же Горчаков вспоминал: "В военно-учебном заведении... я уже знал некоторые подробности о действиях знаменитых военачальников того времени... Я знаю о его действиях под Смоленском и Роменвилем, где в той и другой битве он является витязем, достойным славы России"[54].

Характерно, что знаменитый генерал не считал интеллект главным своим достоинством и будучи достаточно хорошо образованным, владея французским и немецким языками, в формулярах писал: "Русской грамоте обучен". Денис Давыдов указывал на независимость и постоянство его характера: "Он был

всегда тот же со старшими и ровными себе, в кругу друзей, знакомых и незнакомых, пред войсками в огне битв и среди их в мирное время: всегда спокойный, скромный, приветливый, но всегда сильный, чувствующий силу свою и невольно дававший чувствовать оную мужественною, разительною физиономиею и взором, выражающим присутствие ее в самом спокойном и мирном его положении". Поэт А. Ф. Воейков также писал Раевскому: "Ведь кротость, как геройство, - души твоей высокой свойство"[55].

К политике Николай Николаевич был равнодушен. Он принимал существующий государственный порядок как данность, но служил не лицам, а государству.

Много внимания он уделял своим семейным обязанностям, являя собой пример образцового мужа, сына и отца. Сама семья Раевского представляла собой интересное явление русской жизни. Ей даже посвящена специальная книга[56]. Жена генерала Софья Алексеевна целиком посвятила себя домашним заботам, была безгранично предана мужу и создавала настоящий культ главы семейства. Отношения между супругами были теплыми и доверительными. Раевский все свободное время посвящал хозяйству, занимался садоводством, постоянно участвовал в киевских "контрактах", а в последние годы склонялся к предпринимательству. Перед отцом дети, в особенности младшие, преклонялись, но не слепо, а сохраняя чувство собственного достоинства.

Младший сын Николай, как и отец, имел добрый и спокойный нрав, показал себя чутким и заботливым другом А. С. Пушкина, который посвятил ему "Кавказского пленника" и "Андре Шенье". Николай прочно связал свою судьбу с военной службой и в конце жизни являлся начальником Черноморской линии в чине генерал-лейтенанта. Старшая дочь Екатерина обладала решительным характером, была широко образована, в суждениях о людях - строга и требовательна. В семье ее называли "Марфа-посадница". Елена, напротив, держалась скромно и незаметно, часто грустила, болела и производила впечатление нежного, медленно увядающего цветка. Софья отличалась педантичностью, некоторой сухостью. Она не вышла замуж, оставшись хранительницей традиций и преданий своего рода. Наибольшую славу из детей Раевского приобрела младшая дочь Мария, воспетая в поэме Н. А. Некрасова в качестве символа русской женщины. Интерес к ней проявляется даже за рубежом, о чем свидетельствует книга английской исследовательницы К. Сазерленд "Сибирская княгиня". Особняком стоит старший сын Александр, хотя и он старался поддерживать высокую репутацию

семьи, не всегда, впрочем, успешно. Это был весьма честолюбивый человек, склонный к мелкому авантюризму, циник. Он сыграл определенную роль в русской культуре, став "демоном" Пушкина и послужив, по убеждению литературоведа В. Я. Лакшина, одним из основных прототипов Евгения Онегина. Старик Раевский в конце жизни вынужден был ходатайствовать за него перед высшими должностными лицами империи"[57].

Генерал не был поклонником модных философских течений, изящной словесностью интересовался в меру и, вообще, к "романам" относился снисходительно. Литературу он, скорее, считал не серьезным делом, а способом времяпровождения. Более всего он ценил живую человеческую беседу, был внимательным слушателем и сам являлся неплохим рассказчиком. Любил писать и получать письма. Полагался больше не на книжные истины, а на здравый смысл. Интересно, что Пушкин назвал Раевского "человеком без предрассудков". Вместе с тем он сочувствовал каждому талантливому человеку, стараясь ненавязчиво помочь ему. И большинство талантливых молодых людей отвечало генералу взаимностью, ценило его. В частности, для Пушкина пребывание в семье Раевского было чудесным временем: он переполнился впечатлениями[58].

Для богатого помещика, владельца 3500 крестьян, Раевский жил достаточно просто. Но он не стремился решать свои финансовые проблемы за счет крестьян, увеличивая поборы. Он "знал и ценил простой народ, сближаясь с ним в военном быту и в своих поместьях, где между прочим любил заниматься садоводством и домашнею медициною. В этих отношениях он далеко не походил на своих товарищей по оружию, русских знатных сановников"[59]. Действительно, он отличался от богатых помещиков-вольтерианцев, стремившихся на основе новейших экономических учений создать высокодоходные хозяйства. Раевский предпочитал оставаться в стороне от сомнительных новшеств, строил отношения с крестьянами на традиционной патриархальной основе, рассматривая их не только как источник для получения доходов, но и как людей, нуждающихся в попечении и опеке. И крестьяне его, как правило, не проявляли недовольства своим помещиком, а некоторые испытывали настоящую преданность ему.

Тем не менее Раевскому удавалось найти дополнительные источники доходов. 19 апреля 1827 г. он сообщал М. Ф. Орлову: "Занимаюсь переустройством винного завода, по моей методе". А 19 августа 1825 г. доводил до сведения дочери Екатерины: "Прошу у Орлова прилагаемые образцы разных глин... Нет ли фаянсовой или удобной для изразцовых фигурных печей".

Передавая имения детям, он заботился, чтобы на них не оставалось долгов: "Отдаю деревню Еразмовку Катиньке и почитаю обязанностию сделать ее столь доходною, чтоб она наградила обещанное мною. До того времени я плачу за нее проценты в казну". Выделив М. Н. Волконской с. Успенское в Воронежской губ., Николай Николаевич выплатил почти весь долг, так что из 1 млн. 38 тыс. 900 руб. на ней осталось только 62 тыс. 400 рублей[60].

В среде дворянского сословия он стоял на позиции равенства. Для него не имели значения богатство, знатность и чин дворянина. Ко всем он относился одинаково, учитывая лишь моральные и деловые качества. Он был хлебосольным хозяином, за столом которого постоянно можно было увидеть представителей разных семей, бедных офицеров, причем последние не чувствовали себя приживальщиками. Практически никогда не просивший ничего для себя лично, он оказывал покровительство знакомым и малознакомым людям, ходатайствовал перед царем о нуждах киевских помещиков. Раевский не стремился к знатности. Он отказался от предложенного ему графского титула[61].

Особо следует сказать об отношении прославленного генерала к воинской службе. В мирное время он ею тяготился, так как гораздо свободнее чувствовал себя в боях и походах. Но это не означает, что он отдавал своему делу мало времени. Просто он иначе понимал задачи армии и солдатского обучения. Правительство больше заботилось о подготовке воинских подразделений к парадам и смотрам, чем к боевым действиям. Такой подход был чужд Раевскому, хотя на смотрах и маневрах его корпуса получали высокие оценки. Раевский не мог смотреть на солдата как на "механизм, артикулом предусмотренный". Он видел в нем боевого товарища. И солдаты отвечали ему взаимностью. Е. В. Тарле называл его "одним из очень немногих генералов, достигавших полной власти над солдатами без помощи зуботычин, палок и розог"[62]. Это не значит, конечно, что в 4-м корпусе Раевского, которым он командовал с 1815 по 1824 г., не применялись телесные наказания. Шпицрутены были уставным средством дисциплинарного взыскания, и командиру корпуса приходилось лично определять наказания за наиболее тяжелые проступки. Но он был противником использования подобных методов в качестве средства "обучения". Раевский не подавал официальных протестов против палочной системы (такое позволял себе только Барклай де Толли), но в частных разговорах он убеждал офицеров повышать собственную подготовку, воздействовать личным примером, учиться находить общий язык

с солдатами.

Раевский пытался преодолеть разрыв между командирами и подчиненными. По его инициативе была создана первая в русской армии ланкастерская школа взаимного обучения. Часто он становился крестным отцом солдат и унтер- офицеров, принимавших православную веру, а также офицерских детей. Генерал следил за распорядком армейской жизни, не допускал притеснения мирных жителей со стороны своих подчиненных, откликался на народные жалобы, которые часто люди направляли ему, видя в нем заступника[63].

По долгу службы Раевскому приходилось исполнять различные обязанности. Иногда он участвовал и в организации сбора разведывательных данных. 6 августа 1817 г. он писал командующему 1-й армией Ф. В. Остен-Сакену: "Вашему высокопревосходительству угодно было иметь некоторые сведения об австрийском гонце. В удовлетворение ваше посылаю известного мне человека. Из приложенной при сем записки изволите увидеть, каким образом он ездил в Лемберг, так и то, что он видел и слышал; сие письмо никому не известно и никаких по себе следов оставить не может. Если вы изволите считать полученные вести уважительными и вздумаете употребить сего человека еще, то честь имею известить, что сие первое стоило мне 500 рублей, которые на казенный счет не ставлю, а упоминаю только о ней для сведений"[64].

После 1821 г. благоволение Александра I к Раевскому пошло на убыль, хотя внешне он продолжал выказывать знаки расположения. Дело в том, что царю поступили доносы о существовании тайного общества, причем Раевский и Ермолов назывались в качестве "секретных миссионеров", распространяющих влияние революционной партии "во всех слоях общества". Если в отношении вечно фрондирующего Ермолова это имело определенный смысл, то в случае с Раевским доносчики попали впросак. Тем не менее недоверие со стороны императора росло. Охлаждение царя Раевский особенно почувствовал во время высочайшего смотра 4-го корпуса в 1824 году. Чтобы как-то выяснить причины подобного нерасположения, он отправляет письмо командиру гвардейского корпуса, своему бывшему подчиненному и боевому соратнику И. В. Васильчикову. Не дождавшись разъяснений, генерал подал прошение об отставке[65].

Талантливым людям служить с Раевским было приятно. М. Ф. Орлов два года служил у него начальником штаба. Когда весной 1819 г. ему предложили перебраться в столицу и стать начальником штаба гвардейского корпуса, он отказался, объяснив

А. Н. Раевскому: "Я оставляю свое нынешнее место разве только для того, чтобы принять командование дивизией, а не для того, чтобы повиноваться другому, потому что из всех известных мне начальников я предпочитаю того, кому сейчас подчинен". Став, наконец, командиром 16-й дивизии, Орлов признавался: "Прощаюсь с мирным Киевом, с сим городом, который я почитал сперва за политическую ссылку и с коим не без труда расстаюсь. Милости твоего батюшки всегда мне будут предстоять, и я едва умею выразить, сколь мне прискорбно переходить под другое начальство". На освободившийся пост претендовал Д. В. Давыдов, заявляя А. А. Закревскому:

"Признаюсь, что мне очень хочется послужить с Николаем Николаевичем, мне дураки и изверги надоели"[66].

Высокий авторитет Раевского в русском обществе послужил также основной причиной того, что руководители Северного и Южного тайных обществ намечали его кандидатуру в состав Временного революционного правительства. Но ни идейных, ни организационных связей с декабристскими обществами прославленный генерал не имел, хотя в его окружении находилось много передовых молодых людей. Среди его родственников были крупные представители тайных обществ. Во главе Каменской управы Южного общества стоял единоутробный брат Н. Н. Раевского В. Л. Давыдов. 15 мая 1821 г. состоялась свадьба генерала М. Ф. Орлова и дочери генерала Екатерины Раевской. Александр I предварительно выражал согласие присутствовать на свадьбе в качестве посаженного отца невесты. Женитьба Орлова стала поводом для выхода его из тайного общества, что дало декабристам возможность утверждать, будто "Раевские сбили его с пути". Однако любовь Михаила Орлова к Екатерине была столь велика, что молодой супруг, действительно, мог потерять интерес к своим прежним революционным замыслам"[67].

Иначе обстояло дело с другим зятем Раевского - генералом С. Г. Волконским. Когда Сергей Григорьевич попросил у Николая Николаевича руку его дочери Марии, он скрыл свою принадлежность к антиправительственной организации. Впоследствии Раевские так и не простили ему этого проступка. Брат Николай писал в 1832 г. в Сибирь своей сестре М. Н. Волконской: "Вы не удивитесь моему молчанию после 1826 года. Что мог я вам сказать? Я повторяю вам еще: Вы не судья Вашему мужу. Преданность и добродетель женщины - я не ожидал меньшего от вас: мы дети одного отца. Вы говорите мне о вашем муже с фанатизмом. Не сердитесь на мой ответ. Я не прощу его никогда, каково бы ни было его положение. Безнравственностью,

с которой он взял вас в жены в ситуации, в которой он находился, он сократил жизнь нашему отцу и стал причиной вашего несчастья"[68].

Среди декабристов у генерала Раевского было еще два родственника - подпоручик В. Н. Лихарев и отставной штабс-капитан И. В. Поджио, члены Южного общества. Оба женились на племянницах Раевского, сестрах Бороздиных. Адъютантами при генерале состояли А. В. Капнист и П. А. Муханов. Раевский покровительствовал обоим, способствовал их продвижению по службе. В круг знакомых Николая Николаевича входили И. Д. Якушкин, К. А. Охотников, А. В. Поджио, М. П. Бестужев-Рюмин, Н. И. Лорер, С. И. Муравьев-Апостол. Эпизодические встречи с генералом могли иметь и многие другие декабристы, старшие из них являлись свидетелями его боевой славы. В доме Раевского можно было встретить П. И. Пестеля, "директора" Южного общества. Он приглядывался к генералу, но, в конце концов, переключил свое внимание на начальника южных военных поселений И. О. Витта, личность беспринципную и безнравственную.

Восстание на Сенатской площади оказалось полной неожиданностью для Раевского. Ударом для него прозвучало 5 января 1826 г. известие об аресте сыновей Александра и Николая. Он рвался в Петербург, но тяжелое положение дочери Марии, родившей накануне сына, удержало его дома. Близких ему людей одного за другим увозили казенные экипажи. Приходят известия об арестах С. Г. Волконского, М. Ф. Орлова, В. Л. Давыдова. 14 января прямо в доме генерала арестовали А. В. Капниста. Братья Раевские были оправданы. Более чем пристрастное следствие так и не смогло предъявить им каких-либо улик, кроме доноса А. И. Майбороды. После двух допросов они были освобождены с оправдательными аттестатами[69].

А. Н. Раевский после аудиенции с Николаем I писал отцу: "Я не имею никаких опасений касательно моего любезного Михаила, но не могу сказать того же относительно Волконского". Н. Н. Раевский прибыл в Петербург в конце января. Придворная челядь окружила генерала показным вниманием. Император пожаловал его в члены Государственного совета. 26 января и 6 февраля Раевский имел свидания с родственниками М. Ф. Орловым и В. Н. Лихаревым - в присутствии коменданта Петропавловской крепости А. Я. Сукина. С Волконским он встретиться не пожелал. После этого немедленно уехал домой[70].

Между тем следствие в Петербурге продолжалось. Наряду с рассмотрением дела декабристов велось еще одно, совсем тайное, расследование - о причастности к противогосударственной

деятельности наиболее важных персон. Документы по этому делу находились в руках очень узкого круга лиц, отдавались лично императору, который вскоре приказал их уничтожить. Особенно ревностно старался начальник Главного штаба генерал И. И. Дибич: "Он допытывался всегда об участии Николая Раевского и Ермолова, лавры которых лишали его сна"[71].

Николай Николаевич старался держаться вдали от Петербурга. Но сложное положение родных вынуждало его действовать по официальным и неофициальным каналам. "Я имею известия из Петербурга об моем Орлове весьма утешительные", - писал он 4 апреля П. Д. Киселеву. Отношение к С. Г. Волконскому было у Раевского двойственным. С одной стороны, он не мог простить зятю обмана, с другой стороны, - его беспокоила судьба дочери. Упорство Волконского, отказавшегося отвечать на вопросы следствия, представлялось Раевскому глупостью, и он принял участие в давлении на арестованного, советуя ему сознаться. Чувства к зятю переменились после вынесения ему приговора: "Мы Сергею Волконскому полезны быть не можем, но в сердце моем я заменю ему родных его, которые скоро его оставят". Но поступок дочери оказался для генерала неожиданным. Решение Марии Николаевны ехать в Сибирь он сначала считал блажью, приписывал его влиянию "Волконских баб", называл дочь "дурочкой". Ю. М. Лотман усмотрел в ее поведении влияние, которое оказала "русская литература, создавшая представление о женском эквиваленте героического поведения гражданина, и моральные нормы декабристского круга, требовавшие прямого перенесения поведения литературных героев в жизнь". Но в действительности М. Н. Волконской пришлось совершить нелегкий выбор между любовью к отцу и супружеским долгом. Прощание с родительским домом было мучительным: "С отцом мы расстались молча; он меня благословил и отвернулся, не будучи в силах выговорить ни слова". Раевский почти два года не отвечал на письма дочери, хотя перечитывал их многократно. И лишь после смерти внука он возобновил эту переписку[72].

Семья генерала оказывала помощь семьям декабристов. Жены сибирских изгнанников знали, что, обратившись к генералу, они могут рассчитывать на материальную и моральную поддержку. Они излагали свои просьбы через Марию Николаевну, но часто писали и сами. А. И. Давыдова оставила на попечение Николая Николаевича своих детей и поручила ему совместно с П. Л. Давыдовым управление имением. Одновременно Раевский участвовал вместе с братьями в ликвидации долгов, лежавших на имениях В. Л. Давыдова в Подольской губерниии. Два года

генерал переписывался с министром юстиции о предоставлении незаконнорожденным детям брата фамилии отца. Ходатайство было удовлетворено[73].

Н. Н. Раевский принял большое участие в делах А. В. Ентальцевой. Ему пришлось выдержать борьбу с чиновниками из-за имущества ее мужа - декабриста. Ентальцева обращалась к С. Н. Раевской: "Просите почтеннейших родителей ваших, чтобы они сохранили воспоминание о нас, где бы мы ни были. Чувство глубокого почтения и благодарности к ним и всей добродетельной фамилии вашей будет до гроба облагораживать наши сердца"[74].

Раевский оставшиеся годы провел в заботах о делах семьи. Но одна частная жизнь не могла удовлетворить боевого генерала. С нарастанием угрозы новой войны с Турцией он предпринимает попытку вернуться на службу, рассчитывая, что его опыт может пригодиться русской армии. Михаил Орлов полностью одобрил намерение Николая Николаевича: "Что вы мне писали о ваших приготовлениях к войне, меня радует... Никто лучше вас не знает, как турок бить".

Однако Николай I не желал видеть во главе войск популярного генерала. В январе 1828 г. Раевский получил вежливый отказ[75].

В феврале 1829 г. Н. Н. Раевский посещает Петербург. Он приезжал просить за своего сына Александра, которому высочайшим повелением было запрещено проживание в обеих столицах. Встретившись с А. С. Пушкиным, генерал заказал ему стихотворную эпитафию в память умершего внука. Написанное поэтом четверостишие он отправляет дочери в Сибирь. Ее судьба не оставляет старика в покое. "Когда несчастия начнут падать на кого, то уже падают безостановочно", - пишет Раевский, думая о любимой "Машиньке"[76]. Но эти слова можно отнести и к самому генералу.

По дороге домой здоровье Николая Николаевича резко ухудшилось, силы его оставляли. Уже на смертном одре он перечитывал последнее письмо Марии Николаевны: "Бог посредник моих чувств: быть достойной имени вашей дочери - вот что всегда будет руководить моими поступками. Верьте, дорогой папа, что никто из ваших детей не любит вас с таким обожанием, как я, не чтит вас так, как я буду всегда чтить". Держа в руках портрет дочери, генерал сказал сыну Александру: "Вот самая удивительная женщина, которую я знал"[77].

Последние дни жизни не принесли Раевскому умиротворения. Тяжелая болезнь, сильные боли, отсутствие рядом любимых сына и дочери, а также уважаемого зятя, мысли о

том, что он оставляет потомкам неустроенные дела (накануне родственники Волконского передали ему управление имениями декабриста, повесив вместе с тем на старика 339 605 руб. долга 78),- все это лишало его покоя. И все-таки он мог быть уверен, что свое земное предназначение исполнил сполна. Раевский был похоронен в родовом имении Болтышка (могила не сохранилась). Умер он 16 сентября 1829 г., через два дня после того, как ему исполнилось 58 лет.

notes

Примечания

1 БОРИСЕВИЧ А. Т. Генерал от кавалерии Н. Н. Раевский. Ч. 1. СПб. 1912, прил., с. 3.

2 ЯКУНИН М. А., ФЕДЬКИН М. И. Георгиевск: историко-краеведческий очерк. Ставрополь. 1977, с. 13.

3 БОРИСЕВИЧ А. Т. Ук. соч., прил., с. 5.

4 BENNIGSEN L. Memoires. T. 2. P., p. 199-200; ОРЛОВ М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М. 1963, с. 35.

5 Архив Раевских. Т. 1. СПб. 1908, с. 66.

6 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 859, к. 10, N 3. л. 8.

7 Архив Раевских. Т. 1, с. 79.

8 ПУШКИН А. С. Полн. собр. соч. Т. 11, с. 166.

9 Русский вестник, 1898, N 6, с. 111.

10 Архив Раевских. Т. 1, с. 87.

11 Там же, с. 150.

12 Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. 18. СПб. 1911, с. 205, 215.

13 РАЕВСКИЙ Н. Н. Записки. В кн.: ДАВЫДОВ Д. В. Замечания на некрологию Н. Н. Раевского. М. 1832, с. 39; Полное собрание анекдотов о достопамятнейшей войне россиян с французами. Ч. 1. СПб. 1815, с. 4-6; БАТЮШКОВ К. Н. Опыты в стихах и прозе. М. 1978, с. 413-414; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 751, к. 3, д. 70, л. 2.

14 Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. 18, с. 216.

15 РАЕВСКИЙ Н. Н. Записки, с. 40; ДАВЫДОВ Д. В. Замечания на некрологию Н. Н. Раевского, с. 45-46; ТАРЛЕ Е. В. Сочинения. Т. 7. М. 1957, с. 515.

16 КУТУЗОВ М. И. Сб. док. Т. 4, ч. 1. М. 1954, с. 475; РАЕВСКИЙ Н. Н. Записки, с. 50.

17 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 103, оп. 208а, св. О, д. 1, л. 295об.; РАЕВСКИЙ Н. Н. Записки, с. 51.

18 РАЕВСКИЙ Н. Н. Записки, с. 51-52; Архив Раевских. Т. 2. СПб. 1909, с. 500; РГВИА, ф. 103, оп. 208а, св. О, д. 106, л. 74об.; д. 1, л. 295об.

19 ВОРОНОВСКИЙ В. М. Отечественная война 1812 года в пределах Смоленской губернии. СПб. 1912, с. 99.

20 РГВИА, ф. 103, оп. 208а, св. О, д. 106, л. 74об.

21 КОЛЮБАКИН Б. М. Воспоминания офицера французского кирасирского N 2-го полка о кампании 1812-го года. СПб. Б. г., с. 10; РГВИА, ф. 103, оп. 208а, св. О, д. 106, л. 74об., 76об.; Известия о военных действиях российской армии против французов 1812 года. М. 1813, с. 39.

22 Memoires pour servir a 1'histoires dc France, sous Napoleon, ecrits a Sainte Helene. Т. 2. P. 1823, p.[78].93.

23 Бородино. Сб. док. М. 1962, с. 338; РГВИА, ф. 474, оп. I, д. 1326, л. 10.

24 Архив декабриста С. Г. Волконского. Т. 1. Птгр. 1918, с. XV.

25 РАЕВСКИЙ Н. Н. Записки, с. 74; УЛЬЯНОВ А. И. Тарутинское сражение. Проблемы изучения. В кн.: События Отечественной войны 1812 года на территории Калужской губернии. Малоярославец. 1993, с. 34.

26 КОЛЕНКУР А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Смоленск. 1991, с. 145.

27 Записки А. П. Ермолова. Ч. I. М. 1865. с. 217.

28 Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 10. СПб. 1898, с. 52.

29 ХАРКЕВИЧ В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна. Вып. 2. 1903, с. 209: БОГДАНОВИЧ М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 3. СПб. 1869, с. 396.

30 РАЕВСКИЙ Н. Н. Записки, с. 77 78.

31 Архив Раевских. Т. 1. с. 173, 170 171: ЩЕРБАТОВ А. П. Генерал- фельдмаршал князь Паскевич. Т. I. СПб. 1888, с. 182.

32 Листовки Отечественной войны 1812 г. М. 1962, с. 93.

33 Архив Раевских. Т. 1. с. 178.

34 ГЛИНКА Ф. Н. Письма русского офицера. М. 1990, с. 188 189.

35 РАДОЖИЦКИЙ И. Т. Походные записки артиллериста. Ч. 2. М. 1835, с. 170; Личные письма генерала Н. Н. Раевскою. 1812 1814. М. 1992. с. 240. 238.

36 МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ А. И. Полн. собр. соч. Т. 6. СПб. 1850, с. 182.

37 1812 год... Военные дневники. М. 1990. с. 359 360.

38 РГВИА, ф. 103, оп. 4/210, св. 10. д. 36, л. 22 24: Война 1813 года. Материалы ВУА. Т. 1. СПб. 1914, с. 186.

39 БАТЮШКОВ К. И. Сочинения, СПб. 1887. с. 478: ПИСАРЕВ А. А. Военные письма и замечания... Ч. I. М. 1817, с. 341.

40 А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. I. М. 1985, с. 168; БАТЮШКОВ К. Н. Сочинения. Т. 2. М. 1989. с. 265: Цит. по: ФРИДМАН П. В. Поэзия Батюшкова. М. 1971, с. 154; его же. Проза Батюшкова. М. 1965, с. 78: CROSSARD . 1. B. L. Memoires militaires et historiques. T. 5. P. 1829. p. 97.

41 ОРЛОВ Н. А. Война за освобождение Германии в 1813 году. В кн.: История русской армии и флота. Т. 4. М. 1911, с. 108.

42 Там же, с. 112.

43 МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ А. И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. В кн.: Военная галерея Зимнего дворца. Т. 2. СПб. 1845, вып. 48. с. 6.

44 РУДОЛЬФ Ф. Битва народов. В кн.: Двенадцатый год. М. 1912, с. 30.

45 ПИСАРЕВ А. А. Ук. соч. Ч. 1, с. 356- 357: ОРЛОВ М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М. 1963, с. 39.

46 Личные письма генерала Н. Н. Раевскою. 1812 1814. М. 1992. с 241.

47 КАЗАКОВ И. М. Поход во Францию 1814 года. Русская старина, 1908, т. 3, кн. 38, с. 530.

48 БОГДАНОВИЧ М. И. История войны 1814 года во Франции и низложения Наполеона 1 по достоверным источникам. Т. 2. СПб. 1865. с. 10-11.

49 Там же. Т. 1, с. 409.

50 БАТЮШКОВ К. Н. Сочинения. Т. 2. М. 1989. с. 270.

51 ЛАЖЕЧНИКОВ И. И. Собрание сочинений. Т. 6. М. 1994. с. 557.

52 ПИСАРЕВ А. А. Ук. соч. Ч. 1. с. 392.

53 Архив Раевских. Т. 1, с. 212.

54 Архив князя Воронцова. Кн. 17. М. 1880, с. 479; ГОРЧАКОВ В. П. Выдержки из дневника. Москвитянин. 1850,N 7. отд. 1.с. 179 180.

55 ДАВЫДОВ Д. В. Замечания на некрологию Н. Н. Раевского. М. 1832, с. 22; Архив Раевских. Т. 2. СПб. 1909, с. 603.

56 ВРАНГЕЛЬ С. А. Семья Раевских. Париж. 1955.

57 SUTHERLEND CH. The princess ol'Siberia. L. 1984: ЛАКШИН В. Я. Пять великих имен. М. 1988, с. 4-112.

58 ЛОТМАН Ю. М. А. С. Пушкин. Биография писателя. Л. 1981, с. 58- 64.

59 БАРТЕНЕВ П. А. Пушкин в Южной России. Русский архив, 1866, стлб. 1116.

60 Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (РО РГБ), ф. 244, М3612, д. 2, л. 2; д. 7, л. 11; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 1146, оп. 1, д. 14, л. 1-2.

61 ЕРМОЛОВ А. П. Письма. Махачкала. 1926, с. 39.

62 ТАРЛЕ Е. В. Сочинения, Т. 7. М. 1957, с. 503.

63 Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 958, оп. 1, д. 440, л. 6.

64 Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ), ф. 253, д. 734, л. 1.

65 РГИА, ф. 651, оп. 1, д. 70, л. 1.

66 Цит. по: ГЕРШЕНЗОН М. О. История молодой России. М. - Птгр. 1923, с. 16; ОРЛОВ М. Ф. Капитуляция Парижа, с. 223; Сборник РИО. Т. 73. СПб. 1890, с. 525.

67 ГАРФ, ф. 741, оп. 1, д. 1, л. 4; ф. 1711, оп. 1, д. 1, л. 3; Восстание декабристов. Т. 1. М. -Л. 1925,с. 164.

68 Архив Раевских. Т. 2, с. 137 - 139.

69 ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 177.

70 ВОЛКОНСКАЯ М. Ф. Записки. СПб. 1904, прил., с. 128; ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 311, л. 1-2; РО ИРЛИ, ф. 253, д. 732, л. 9.

71 ПОДЖИО А. В. Записки, письма. Иркутск. 1989, с. 70.

72 РГИА, ф. 958, оп. 1, д. 440, л. 4; КАРАШ Н. Ф.,

ТИХАНТОВСКАЯ А. З. Декабрист С. Г. Волконский и его "Записки". В кн.: ВОЛКОНСКИЙ С. Г. Записки. Иркутск. 1991, с. 46; ПОПОВА О. И. История жизни М. Н. Волконской. В кн.: Звенья. Т. 3-4. М. -Л. 1934, с. 41; ЛОТМАН Ю. М. Декабрист в повседневной жизни. В кн.: Литературное наследие декабристов. Л. 1975, с. 51; ВОЛКОНСКАЯ М. Н. Записки. СПб. 1904, с. 20.

73 НАЗАРОВА А. И. Доверенность А. И. Давыдовой - жены декабриста на имя П. Л. Давыдова, - Советские архивы, 1987, N 6, с. 76; РО РГБ, ф. 370, к. 1, д. 9; ГАРФ, ф. 1740, оп. 1, д. 1, л. 201 - 201об.; РО ИРЛИ, ф. 253, ф. 253, д. 730, л. 1-3; д. 736, л. 1; д. 737, л. 1-3.

74 РГИА, ф. 958, оп. 1, д. 440, л. 1-1об.; РО ИРЛИ, ф. 253, д. 500, л. 1-2.

75 ГАРФ, ф. 1711, оп. 1, л. 5; ОР РГБ, ф. 244, М3612, д. 11, л. 8-8об.

76 ОР РГБ, ф. 244, М3612, д. 11, л. 8об.

77 ПОПОВА О. И. Ук. соч., с. 72; ЩЕГОЛЕВ П. Е. М. Н. Волконская. В кн.: ВОЛКОНСКАЯ М. Н. Записки. Л. 1924, с. 20.

78 Памяти декабристов. Т. 2. Л. 1926, с. 228-231.